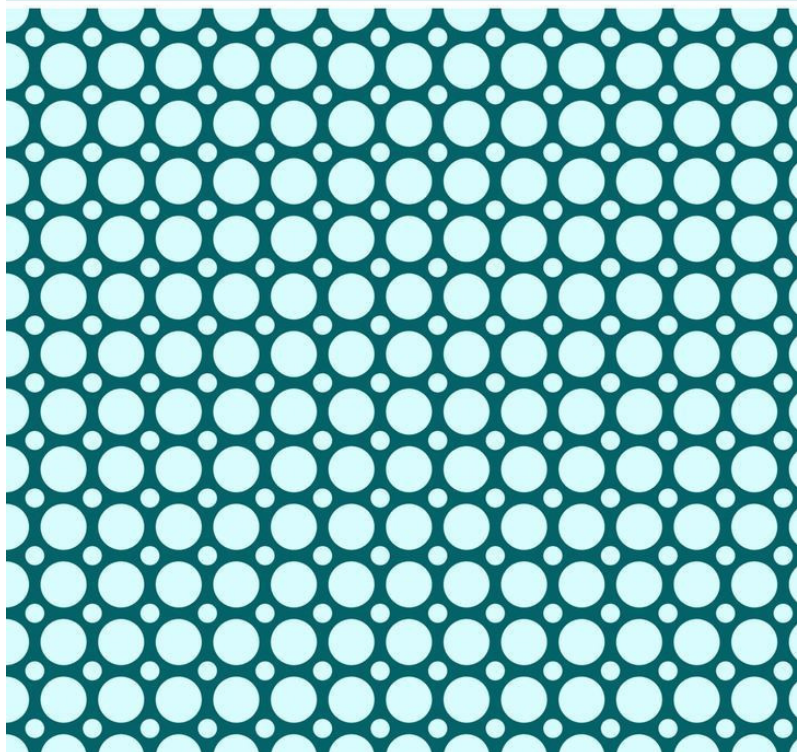

18+

ВИКТОР КАБАКИН

Пешеходное море

Виктор Васильевич Кабакин

Пешеходное море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63077007

ISBN 9785005170309

Аннотация

Спустя много лет после гражданской войны четверо молодых людей ищут клад, который закопал сбежавший из России белогвардейский офицер. При этом им приходится преодолевать много трудностей, в том числе встречу с опасным преступником, сбежавшим из тюрьмы. Повесть в 2015 году получила диплом литературного конкурса «Золотое перо Руси» и заняла первое место в конкурсе МВД России «Доброе слово».

Содержание

Пешеходное море	5
Семьдесят два года спустя	14
Еще двенадцать лет спустя	21
1	22
2	29
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пешеходное море

**Виктор Васильевич
Кабакин**

© Виктор Васильевич Кабакин, 2020

ISBN 978-5-0051-7030-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Кабакин

Пешеходное море

(остросюжетная повесть)

Николай брел по дну студеного моря уже минут сорок, крепко стиснув зубы от почти нестерпимой боли в окоченелых мышцах. Иногда ему казалось, что он не сделает больше ни одного шага – холодная, почти ледяная вода, доходившая ему до груди, словно стальным панцирем, сжимала все тело. Тяжеленный тулуп давил на плечи, болела не совсем зажившая от раны рука. Однако он упрямо шел, не оборачиваясь назад. Там, за спиной остался город, и до него изредка доносились звуки винтовочных или пулеметных выстрелов. Это был теперь для него чужой город.

Впереди в предрассветной мгле появился смутный силуэт лодки. Дважды мелькнул неяркий свет фонаря.

– Это вы, Николай Сергеевич? – послышался с лодки приглушенный женский голос.

Он попытался было ответить, но вместо звуков из онемевшего от стужи горла и неповоротливых губ вырвался только хрип. Тем не менее молодая женщина, сидевшая в лодке, узнала его и обрадовано вскрикнула. Лодка развернулась и быстро стала приближаться к Николаю. Женщина крепко схватила мужчину под мышки и, напрягая все силы, помогла ему выбраться из воды.

– Боже, миленький мой, да вы совсем зачоченели, – нежно лепетала она, освобождая Николая от тяжелой и мокрой одежды. Обессиленный, он почти не протестовал, даже когда она оставила его полностью обнаженным. После студенной воды он перестал ощущать холод. Женщина достала из мешка бутылку самогона, зубами вытасила пробку и, наполнив жидкостью ладони, энергично растерла тело мужчины. При этом она не переставала приговаривать.

– Сейчас, сейчас, любый ты мой. Я не дам тебе заходить...

Она переодела его в сухую одежду, которая была у нее в лодке, налила ему полный стакан пахучего спирта. Мужчина залпом выпил, едва не поперхнулся, поморщился и с наслаждением ощутил, как жгучее, блаженное тепло, образовавшееся внутри живота, стало медленно расходиться по телу, достигая самых кончиков ног и рук.

– Надо плыть, Мария, – тяжело ворочая языком, проговорил он.

– Сейчас... Сейчас, миленький вы мой. Ты лежи, я сам буду грести. – Она не замечала, что перескакивала то на «вы», то на «ты».

– Я чуть отдохну, потом сменю тебя. Скоро начнет светать.

Он оглянулся на далекий Ейск, который медленно проплывал слева от него. На другой стороне города бушевал сильный пожар. В морском порту, похоже, горели склады

с углем и зерном. Он представил, какая там сейчас творится суматоха. Потом с каким-то тупым равнодушием подумал, что население может остаться без топлива и хлеба. До настоящей теплой погоды и нового урожая еще далеко. Однако какое, собственно, ему теперь до этого дело, если в России фактически рухнула цивилизация.

...На просторах страны кипела гражданская война, и город два года был в руках Добровольческой белой гвардии. Потом в начале февраля 1920 года, незадолго до прихода Красной армии, в Ейске началось восстание большевистского подполья. За пару дней восставшие разоружили стоящий в городе трехтысячный гарнизон. Когда он, капитан Арсентьев – деникинский офицер, узнал об этом, то был возмущен тем, что хорошо вооруженный гарнизон сдался горстке мало обученных людей фактически без боя. Он называл сдавшихся солдат и офицеров предателями и требовал расстрела военного коменданта города. Капитан Арсентьев командовал одной из рот марковской дивизии, направленной по указанию Деникина на подавление большевистского восстания. Казалось, власть в городе снова перешла к «белым». Но спустя несколько дней полки Красной армии, прорвав фронт, неожиданно очутились в Ейске.

Почти четыре недели Николай Арсентьев прятался в хате молодой одинокой вдовы – казачки Марьи, у которой снимал комнату на краю города возле лимана и которая старательно ухаживала за его раненой рукой. Удивительная метаморфо-

за произошла в их взаимоотношениях. Черноокая казачка влюбилась в молодого офицера со всей пылкостью своего горячего, истосковавшегося сердца. Да и он не остался равнодушным к пышным прелестям хозяйки. Вспыхнула жаркая страсть. Влюбленные словно не замечали бушевавших в городе кровавых событий, торопливо и жадно упивались давно забытыми чувствами нежности и любви.

Сначала Арсентьеву казалось, что новая власть ненадолго установилась в городе. Однако «красные» действовали энергично и решительно. В поисках прятавшихся контрреволюционеров беспрерывно проводились в домах обыски. Чередой шли расстрелы. Железная и мускулистая рука революции с беспощадной неумолимостью нажимала на спусковой крючок винтовки. И однажды вечером Николай сказал Марье:

– Я должен уходить, Марьюшка. Если меня найдут, то расстреляют. Да и тебе не поздоровится.

Марья застыла, глядя на него так, словно впервые увидела. Совсем недавно она получила свой кусочек неведомого ей до сих пор счастья, и теперь вдруг все должно рухнуть. Какое ей, собственно, дело до того, что творится на улицах, если любимый уйдет навсегда? Она не заметила, как плошка в руках наклонилась, и из нее посыпалась мука. Миска выскользнула и с громким стуком упала на пол. Марья очнулась, осознав, наконец, смысл услышанного, бросилась на грудь Николая и запричитала:

– Не пущу. Никуда тебя не отпущу. Лучше умру вместе с тобой.

Капитан, ласково глядя ее плечи, осторожно усадил на скамейку и сел рядом сам.

– У меня есть план, Марьюшка. И если ты согласна, то мы вместе его осуществим.

Вытирая кончиком платка слезы, она покорно кивнула головой. Николай рассказал ей свою задумку. Марья днем должна будет на лодке добраться до Глафириновской косы, что на том берегу Ейского лимана. Там заготовить продукты и ждать его. А он ночью по мелкому лиману выберется из города. Еще летом, купаясь в заливе, он уходил по ровному илистому дну на километр и дальше от берега. Ему было интересно узнать, как долго тянется мель. Из-за мелководья он прозвал залив «пешеходным морем».

– Как же я найду в темноте тебя? – прошептала Марья, глядя на Николая широко раскрытыми глазами.

– Ты будешь время от времени дважды мигать фонарем. Я сам подойду к тебе.

– Но ведь ты замерзнешь, миленький.

– Не замерзну. Ты ведь знаешь, что я, как Суворов, каждый день обливался студеной водой. Да и море уже не такое холодное, как зимой.

– Кто такой Суворов?

– Был такой великий русский полководец, – усмехнулся Николай.

Марья задумалась, потом тихо спросила:

– Почему мы не можем уплыть сразу вместе?

– Не можем, моя ейская Афродита, – ласково проговорил капитан.

Кто такая Афродита, Марья не знала, но от неведомого слова на нее вдруг повеяло дыханием чего-то древнего и прекрасного. Она произнесла про себя звучное и красивое имя, как всегда повторяла новые, незнакомые понятия, услышанные от Николая.

– Нам нельзя уходить сразу вместе, – снова сказал Арсентьев. – Если нас увидят, то тотчас поймут, что мы решили убежать. Если же ты поплывешь одна, то люди подумают, что ты собралась ловить рыбу.

– А дальше?

– Дальше? – повторил Арсентьев и, подумав, пояснил: – За два-три дня доберемся до Крыма, а там – наши войска. Надеюсь, что скоро мы снова возвратимся сюда.

Последние слова Николай произнес не только для того, чтобы успокоить Марью. Хотя он понимал, что война проиграна, тем не менее, в душе надеялся, что еще вернется обратно. Не собираются же большевики воевать вечно. Ведь когда-нибудь должно все успокоиться и восстановиться нормальное, цивилизованное течение жизни. К тому же для возвращения в город у него были свои личные и очень веские мотивы.

Все ночь Марья не смыкала глаз, то ненадолго всплаки-

вая, то жарко и ненасытно лаская капитана, а рано утром уплыла, взяв с собой кое-какие вещи и еду. Оставшись один, Арсентьев достал из штабного планшета подробную карту Ейска, развернул ее на столе и стал внимательно рассматривать. Он нашел на карте точку, где был расположен дом Марьи, и от нее под прямым углом провел карандашом вертикальную и горизонтальную линии. Затем циркулем нанес несколько кругов, тщательно замерил расстояния от дома до приметных и хорошо ему известных на местности ориентиров. Полученные данные он записал на обороте карты, а саму карту аккуратно свернул и положил в непромокаемый чехольчик.

После этого Николай вытащил из-под лежанки небольшой походный саквояж, поставил на стол, раскрыл и высыпал его содержимое на поверхность. На столе оказались разные коробочки и сверточки. В задумчивости капитан взял одну из коробочек, открыл ее. На его ладони словно вспыхнул яркий огонек. Капитан повертел кольцо с бриллиантом перед глазами, любуясь им. Затем снова положил его обратно. Так же внимательно он осмотрел все остальные сверточки и коробочки. Здесь было много чего удивительного: кольца, ожерелья, бусы, браслеты, цепочки, крестики... И все эти изделия – изысканной, роскошной работы – сверкали и переливались в свете керосиновой лампы.

В саквояже находилось его сокровище – старинные фамильные драгоценности, единственным наследником кото-

рых он стал после смерти матери буквально за несколько дней до Октябрьской революции. Сколько приключений и опасностей в лихую годину гражданской войны ему пришлось преодолеть, чтобы выполнить ее последнюю волю – во что бы то ни стало сберечь драгоценности. И вот теперь, он вынужден будет с ними расстаться. Взять их с собой в опасное путешествие он не осмелился, поэтому решил закопать возле дома. Позднее, когда в России установится порядок, он найдет возможность вернуться сюда.

Арсентьев вышел во двор, достал из-за поленницы металлический ящик, который припас заранее, вернулся обратно и аккуратно сложил в него драгоценности. Написал какую-то записку и тоже положил в ящик. Долго глядел на его содержимое, что-то шепча и шевеля губами, затем три раза перекрестил, вздохнул, решительно и со стуком захлопнул крышку. Обернув ящик рогожкой и взяв его под мышки, снова вышел на улицу. Во дворе росло огромное дерево – старый грецкий орех. Он отмерил от дерева строго на север ровно пять шагов, выкопал яму глубиной метра полтора, положил туда ящик, зарыл и тщательно утрамбовал землю.

– Кажется, все, – тихо сказал он.

Вернувшись в комнату, Николай вытащил из саквояжа несколько длинных цилиндриков, обернутых плотной тканью. Развернул, и на стол выкатились золотые монеты – николаевские десятирублевки. Он пересчитал деньги, потом, не торопясь, зашил по одной монете в полы френча и в широ-

кий пояс. К внутренней стороне куртки он прикрепил и чехол с картой. Теперь Николай был полностью готов к дальнейшим приключениям.

...Арсентьев снова поглядел на удаляющийся город, и вдруг его сердце сжала такая глубокая и острая тоска, что он чуть не приказал Марье поворачивать обратно. Но тут же спохватился и больше уже не оборачивался назад. В утреннем тумане лодка все больше теряла свои очертания, пока, наконец, не исчезла в морском просторе.

Семьдесят два года спустя

Тогда я очень разозлился на Мишку Бондарева. Может быть, даже не столько на него, сколько от того, что нужно было как-то выплеснуть накипевшую ярость. Молод был, горяч. Впрочем, причина для негодования появилась очень даже веская. Однако, все по порядку.

Москву, как известно, трудно поразить каким-либо преступлением или происшествием. Она многое чего испытала и повидала. Нынче даже убийства в ней стали обыденным, чуть ли не рядовым явлением. Словно привычные спутники, они превратились для обывателей в предмет обыденного обсуждения при вечернем чтении газет и ленивом просмотре интернета и телевизионных новостей. Разве что для специалистов представляли некий служебный интерес, попадая в оперативные сводки и бюллетени.

Но та серия кровавых преступлений, что вдруг охватила столицу, вызвала оторопь и недоумение даже у привыкших ко всему москвичей. Один за другим стали погибать уважаемые люди с учеными степенями, известные в научных сферах.

Поток преступлений «открыл» доктор математических наук одного из ведущих институтов. Его нашли мертвым, с пробитой головой в подъезде собственной квартиры, куда он так и не успел добраться после работы. За ним последо-

вали убийства еще нескольких ученых.

В этих преступлениях не было, на первый взгляд, никакой логики. Все погибшие были людьми различных специальностей и научных интересов, работали в разных учебных заведениях, пользовались большим уважением коллег, между собой знакомы никогда не были. Далеко отстояли они от коммерческой и, тем более, криминальной деятельности, чем можно было бы объяснить нападения на них. Не относились они и к богатому слою населения. Даже беглый осмотр мест происшествия показывал, что убийства совершены отнюдь не с целью ограбления. Ученый мир столицы был в панике.

Милиция сбилась с ног в поисках преступника. Но это было все равно, что ловить невидимку. Свидетели отсутствовали, мотив преступлений неясен. Да и география убийств удивляла. Злоумышленники действовали в разных районах Москвы. Единственное, что объединяло преступления – способ, место и время их совершения. Все ученые были убиты вечером, после работы, в подъездах своих домов, страшным ударом по голове сзади...

В следственно-оперативную группу, занимавшуюся данными убийствами, был включен и я, тогда еще совсем молодой следователь МВД. Мне чрезвычайно льстило, что я оказался в компании самых маститых «сыскарей» и «следаков», да еще по столь нашумевшему делу. Поэтому, естественно, мне не хотелось ударить лицом в грязь. Я с головой окунулся в расследование.

Когда я изучал уголовное дело, то обратил внимание на одно обстоятельство: три убийства были выявлены на востоке столицы, затем два – на западе. Следующие три – на юге. И лишь одно, самое последнее – в северной части столицы. Догадка, как молния пронзила мой мозг: преступник или преступники совершали в каком-то районе серию убийств, затем в целях маскировки или по иной причине перебирались в другую часть города. Значит, следующее убийство, скорее всего, следует ожидать снова на севере.

Я немедленно доложил о своих размышлениях руководителю следственно-оперативной группы. Он внимательно выслушал меня и одобрительно хмыкнул. Круг поиска сузился, на север столицы были брошены основные оперативные силы...

В конце концов, преступник был обнаружен именно на севере столице. Я был чрезвычайно горд: мои соображения оказались конструктивными. Это была первая серьезная победа в моей только-только начавшейся профессиональной биографии. Я добился того, чтобы меня включили в группу захвата, которая направлялась на задержание убийцы. Это был незабываемый и драматический момент. Несколько часов мы сидели в засаде в квартире, которую снял предполагаемый убийца. Пребывали в страшной волнении: придет или нет. По оперативным данным, обязательно должен был здесь появиться. Но как часто разные случайности вмешиваются в намеченные планы и роковым образом проваливают

их! В этот раз нам повезло, убийца пришел и был пойман.

Я встретился с ним с глазу на глаз в районном отделе внутренних дел, куда он был доставлен сразу после задержания. И мне предстояло осуществить первый допрос. Я очень волновался, так как впервые передо мной оказался настоящий, матерый убийца. Внешне, он меня разочаровал: ничего бандитского в нем не было. Худощавый мужчина, лет сорока пяти – пятидесяти, с интеллигентным даже лицом. Обычно при задержании люди нервничают, начинают кричать, что они ни в чем не виноваты, требуют немедленного освобождения или адвоката. Этот вел себя весьма спокойно. Более того, разговаривая, он смотрел на меня так, как старший и более опытный человек нередко относится к неоперившемуся юнцу: с легкой снисходительной усмешкой. Это сильно раздражало меня, и я прилагал массу усилий, чтобы внешне оставаться спокойным.

Однако мне даже не пришлось, как говорят следователи, его «раскалывать». Он и не скрывал, что совершал преступления. На вопрос, зачем он это делал, убийца дал объяснение, поразившее меня своей циничностью.

Оказалось, в молодости он поступал в институт, тщательно готовился и был уверен в своих знаниях. Однако на приемных экзаменах его специально «завалил» преподаватель. В институт же за приличную взятку прошел другой кандидат, далеко не блиставший интеллектом. Будущий преступник клятвенно поклялся, что жестоко отомстит. И вскоре со-

вершил убийство, но, как выяснилось, жертвой, по случайности, оказался другой человек.

Убийцу приговорили к десяти годам. Но, находясь в колонии, он постоянно думал о том, что, освободившись, все равно совершит акт мести. Это стало для него своего рода смыслом жизни. Справедливость должна восторжествовать даже спустя много лет – так объяснил причину своих действий этот странный тип. Глаза его при этом горели ровным холодным огнем. Освободившись условно-досрочно из-за примерного поведения, он долго готовился к преступлению. И добился своей цели.

Я оторопело глядел на убийцу: а другие жертвы здесь причем? Не причем, спокойно объяснил тот. Однако когда он сидел в местах заключения, то сестра написала ему о том, что при поступлении в вуз с нее требовали огромную взятку, но денег не было и ее, естественно, не приняли. Вот тогда он и решил взять на себя «благородную» миссию Робин Гуда и самому вершить правосудие. Если не он, то кто очистит общество от казнокрадов, коррупционеров и прочих сволочей.

...Следствие по убийствам ученых длилось несколько месяцев. Преступник, между тем, был посажен в Бутырский следственный изолятор, а меня перевели на другие дела.

Спустя некоторое время Москву потрясло новое известие: убийца ученых сбежал из самого, казалось бы, надежного изолятора. Вместе с сокамерником. Это было ЧП вселенско-

го масштаба. Из Бутырки не случилось побегов уже много десятков лет. Бегство было совершено профессионально: путем подкопа, проведенного к подземной системе коммуникаций. Затем через канализационный люк преступники выбрались наружу за пределами тюрьмы.

Напарник убийцы в скором времени был найден мертвым в подвале одного из домов. В том, кто его убил, сомнений не было. Удар был нанесен сзади по голове тяжелым предметом. Таким образом, сокамернику была заранее уготована роль овечки на заклатье, а убийца избавился от лишнего свидетеля. «Землекоп» – так прозвали его между собой оперативные работники – был объявлен в федеральный розыск. «На ушах стояла» вся столичная милиция. Однако преступник как сквозь землю провалился.

Я был полон возмущения и гнева. Сколько сил отдано, чтобы обезвредить убийцу, и все – коту под хвост. Из-за какого-то разгильдяя или предателя «тюремщика». Одним из виновных в чрезвычайном происшествии был признан мой старый друг Мишка Бондарев, работавший в Бутырском следственном изоляторе. В день побега он являлся ответственным дежурным того самого злополучного корпуса, в котором находилась камера беглецов.

Я позвонил ему и в сердцах высказал все, что думал. Мишка даже не оправдывался. Лишь печально констатировал, что был в тот день «подменным». То есть, случайно замещал на службе заболевшего коллегу, который постоянно

работал в этом корпусе.

Может, поэтому Мишка получил тогда не самое суровое дисциплинарное наказание, каким являлось безоговорочное увольнение со службы с «волчьим билетом» – без права восстановления. Правда, Бондарева сняли с должности и лишили возможности служить в Москве. Он был переведен в отдаленный район Вологодчины. Впрочем, дулся я на Мишку недолго и скоро помирился с ним.

Еще двенадцать лет спустя

1

Я сидел за рабочим столом, и мои невеселые размышления прервал телефонный звонок служебного аппарата. Мужской голос, эхообразный и гулкий, словно из бочки, как порой бывает при междугородней связи, бодро возвещал:

– Владимир, наконец, я до тебя дозвонился. Ты где планируешь проводить отпуск?

– Пока не знаю...

– Прекрасно. Нечего долго раздумывать, приезжай ко мне в Ейск на дачу. Я сейчас здесь. Считай, что теплое море, южные фрукты, виноградное вино и сочный шашлык тебе обеспечены. Ну, как?

– А почему бы нет? – недолго размышлял я.

– Отлично. Один приедешь или с супругой?

– Один.

– Ясно. Опять поссорились. То-то я звоню тебе домой, а Людмила разговаривает с такой неохотой, словно сердится на меня. Будто не ты, а я в чем-то перед ней провинился. Ты, верно, и дома сейчас не ночуешь?

Я промычал что-то неопределенное. Далекий голос вздохнул.

– Ладно, жду.

Я положил трубку. Мой друг Мишка Бондарев некоторое время назад неожиданно выиграл в русское лото пятьсот ты-

сяч рублей. Жена тогда недовольно заметила: везет же некоторым идиотам. Она никогда не умела радоваться чужому успеху. Тем более, по ее мнению, распорядился он выигрышем крайне глупо: деньги Мишка почему-то истратил на покупку дачи в далеком приазовском Ейске. И вот теперь пригласил меня к себе.

Перед отпуском всегда размышляешь, как сделать, чтобы приятное, но очень быстро текущее время отдыха, было проведено с толком. Что ж, кажется, на сей раз данная проблема благополучно разрешилась. О семейной ссоре думать не хотелось. Да и не ссора это была вовсе, а похоже, окончательное крушение нашего семейного корабля... Я вдруг представил морское побережье, песчаный пляж, ласковое море, молодые загорелые тела и веселые лица, и если у меня еще оставались минуту назад какие-то сомнения, то теперь они исчезли прочь. Мне страшно захотелось в отпуск.

...Ейский вокзал, построенный еще в начале прошлого века, был невелик по размеру, но строен и гармоничен и четкими очертаниями напоминал мне почему-то печатный пряник. Выглядывая из окна, я не сразу увидел своего друга. Дело в том, что в Воронеже электровоз, вместо первого вагона поезда, как это полагается, прицепили к последнему, и мы поехали вроде как задом наперед. Обычная нумерация сбилась, мой первый вагон оказался в хвосте, в то время как Михаил Бондарев встречал меня в голове состава. Наконец, где-то в середине перрона мы встретились и обнялись.

– Не могли объявить, что нумерация идет с конца, – ругнул Михаил нерадивого вокзального дежурного. И, ударяя меня по спине, обрадовано воскликнул: – Ты молодчина, что приехал. Мы, с тобой, Кузнечик, обалденно проведем здесь время.

«Кузнечик» – это я. Вернее, так меня звали с детства друзья и знакомые. Думаю, не надо иметь много ума, чтобы понять, что иначе не могло и быть, если фамилия у меня Кузнечиков. Естественно, добродушный Мишка Бондарев, которого я сейчас тоже от души хлопал по плечу, слыл среди близких ему людей «Бондарем».

Мы сели в маленькую [Daewoo Matiz](#), в Мишкину несравненную «букашку». У него странное пристрастие к маленьким машинам. До «Матиза» он пользовался легендарной «Окой», в которую он из-за солидного телосложения непонятно как помещался. А еще у него была слабость к невысоким и худощавым женщинам, у которых он, наоборот, не пользовался особой симпатией. Этим, наверное, и объясняется то, что мой друг до сих пор не женат.

Выехав с вокзала, мы повернули возле памятника князю Воронцову – основателю Ейска – налево и скоро очутились на набережной. Слева раскинулась бирюзовая гладь лимана, блестящая в лучах восходящего солнца.

Эх, как давно я не видел море. Я любил его. Не просто, как отдыхающий, жаждущий поваляться на песчаном пляже и понежиться в теплых волнах. Море всегда казалось

мне живым существом со своим необузданным и противоречивым характером. Сейчас оно было нежным и ласковым. Огромный Мишка тоже чем-то напоминал море. Внешне – степенный и спокойный, но если его по-настоящему разозлить, то наружу выплеснется такой мощный ступор энергии и силы, что только держись...

Я искоса поглядывал на Бондарева. Сколько времени мы с ним не встречались? Пожалуй, около года. Раньше, когда оба жили в Москве, то часто общались друг с другом. После чрезвычайного происшествия, связанного с побегом преступника, он так и остался жить и работать в Вологодской области. Однако, приезжая в Москву в командировку или отпуск, неизменно восхищался ею. В отличие от меня, он любил столицу.

– Москва хорошеет на глазах, – степенно говорил Михаил, окая совсем уже по-вологодски и мягко растягивая гласные буквы в конце слов.

Я обычно иронически усмехался. Кто лучше меня знает изнаночную сторону московского бытия? Однако иногороднего жителя Москва обычно поражает внешним блеском, является для него лакомой приманкой и вожденной мечтой.

– Ты стал рассуждать, как провинциал, – возражал я Бондарю. – Москва суетной, взбалмошный и опасный город, из которого хочется бежать, сломя голову. Но Москва – это еще и тяжкие гири на ногах, которые сбросить не так-то просто. Ибо она навязывает свой стиль и образ жизни.

Москва словно огромный, шумный базар, где глаза разбегаются от обилия соблазнов. Она манит показной роскошью, как костер мотылька. И многие сгорают в нем.

– На то она и столица, чтобы выглядеть роскошной, – не унимался Мишка. – По всем показателям она должна быть впереди других городов. А ты, как был скептиком, так им и умрешь.

Спор на данную тему мог продолжаться у нас бесконечно и без всякого успеха. Поэтому меня удивило то, что Мишка, равнодушный к столице и вообще к крупным городам, подался вдруг в маленький Ейск. Он, словно уловив мою вопрошающую мысль:

– Вот купил себе здесь дачу. А что? – и словно я ему противоречил, стал объяснять. Такова была Мишкина манера: ему обязательно надо было растолковать собеседнику, почему он поступил именно так, а не иначе. – Место здесь курортное, хотя и нет огромной массы приезжих и отдыхающих, как в Сочи. Да и обошлась мне дача сравнительно дешево...

– Это все замечательно, – резонно заметил я. – Однако думаю, что тебе, жителю северных широт, больше по нраву должен быть прохладный климат.

Он широко, как обычно, улыбнулся:

– Потому и приобрел здесь дачу, что надоели холодные погоды. Но если откровенно, то предки мои по материнской линии жили в этих краях, и в моей крови течет толика ка-

зацкой крови.

– Никогда об этом не слышал, – искренне удивился я.

– Моя бабушка имела когда-то в Ейске свой дом. Она умерла в Великую Отечественную войну, а дом сгорел. Мама во время войны была медсестрой, а после ее окончания сюда больше не вернулась. Ты знаешь, что я у мамы был единственный ребенок. Перед своей смертью она рассказала мне все, что знала о бабушке, и передала кое-какие ее бумаги и сохранившиеся фотографии.

Он помолчал в раздумье, потом добавил.

– Мама очень хотела, чтобы я составил родословную нашей семьи. «Никогда не забывай о семейном дереве, – твердила она. – Связь времен и поколений не должна прерываться». Но если по отцовской линии у меня все более-менее ясно, то по материнской – сплошные темные пятна. Мама даже не смогла толком объяснить, кто ее отец. Его она никогда в глаза не видела. Бабушка однажды упомянула, что он якобы погиб в гражданскую войну. Вообще бабушка, со слов мамы, была суровой и замкнутой женщиной. И всегда жила одиноко. Вот я и подумал, может, здесь найду какие-нибудь корни. Так что не зря меня потянуло сюда. Как говорится, «пепел родины застучал в моем сердце» и позвал меня. Выйду на пенсию, может, поселюсь здесь навсегда.

Пока Мишка со свойственной ему неторопливостью раскрывал некоторые свои семейные тайны, мы свернули с шоссе и очутились на узкой дороге, обрамленной с обеих сторон

чередой разнокалиберных дач. Возле одной из них машина остановилась.

– Приехали, – торжественно провозгласил Михаил. – Вот мое ранчо.

Мы вошли в добротный кирпичный дом, с кухонькой и двумя уютными комнатами, одна из которых предназначалась мне.

2

Распаковав вещи, я выглянул на улицу из окна моей маленькой комнатки, ожидая возвращения друга. Он направился какому-то к знакомому дачнику, у которого имелась коптильня, на предмет приобретения свежескопченной рыбки. Улочка и соседние дачи выглядели безлюдными. На многих дверях и воротах, ведущих в маленькие усадьбы, висели замки. Это удивило меня: разгар дачного сезона, а здесь пустынно.

Мишка задерживался. Несмотря на раннее утро, было уже жарко. Справа из-за кустов отцветшей сирени шпарило южное солнце. Мой слух привлек яростный лай собак. Он немедленно отозвался ответным разноголосым собачьим хором на десятках далеких и близких дач.

Вскоре на улочке показались две матерые овчарки, которых с трудом удерживал на поводке живописного вида худощавый и в возрасте мужчина. Непонятно было, кто кого тянул: то ли псы хозяина, то ли он их. Мужчина выделялся колоритной седой головой с длинными до плеч волосами, такими же белыми усами и широкой бородой. Волосы сзади он стянул черной лентой.

Овчарки, заметив мою физиономию в окне, обложили меня густым собачим матом и рванулись в мою сторону, едва не уронив хозяина.

– Тихо, мальчики, – негромко, но властно скомандовал он. И овчарки тут же послушно умолкли, хотя и продолжали свирепо сверкать на меня налитыми кровью глазами. Словно предупреждали: лучше тебе с нами на узенькой дорожке не встречаться. Чего, впрочем, мне самому не хотелось.

– Собачки у вас, однако, не очень ласковые, – заметил я.

Он бросил на меня быстрый взгляд, но ничего не сказал. Несмотря на то, что мужчина обладал узкими плечами, под фиолетовой рубашкой скрывались хорошо тренированные мышцы. Он еще раз внимательно на меня посмотрел, и мне показалось, что легкая усмешка коснулась его губ.

Чудной мужчина с собаками исчез, но спустя некоторое время вновь появился. Теперь он возвращался с прогулки. Овчарки в этот раз не обратили на меня никакого внимания, чего не скажешь о старике. Что-то в его острых глазах мне не понравилось, и он, похоже, поняв это, быстро отвернулся.

– Сейчас я покормлю вас, ребятки, – с влажной хрипотцой в голосе, выдававшей в нем курильщика, обратился он к своим собакам. Те с такой силой рванули вперед, что хозяин даже покачнулся и чуть не упал, едва поспевая за ними.

Спустя некоторое время появился Мишка. В одной руке он нес сумку, набитую копченым палтусом и тремя большими бутылками виноградного вина, в другой держал какую-то огромную похожую на торпеду рыбу с большой головой, хвост которой волочился по земле.

– Пиленгас, – бодро пояснил Бондарь. – Наисвежайший.

Еще ночью плавал в море. Я такую уху тебе сварганю – пальчики оближешь.

Я рассказал ему о мужчине с собаками.

– Местная достопримечательность, – усмехнулся Мишка, – среди дачного населения пользуется репутацией чудака. Живет неподалеку на угловой даче в одиночестве. Его дом представляет настоящую крепость или, точнее, что-то вроде тюрьмы. Обнес его двойным рядом проволоки, а внутри по периметру бегают овчарки. Бойтся воров. Мы с ним до сих пор не здороваемся, хотя не раз встречались. Странная личность. Диковатый какой-то. Верно говорят: каковы собаки, таков и их хозяин. А может, наоборот. Однако, что о нем толковать, пойдем-ка лучше отмечать нашу встречу. Что пить будем: водку или вино?

– В такую жару, конечно, вино.

...Мы сидели в тени черешневых деревьев за самодельным столом, ножки которого заменял толстый пень спиленного дерева.

– Ты знаешь, – говорил, расслабившись, мой друг, после вкуснейшей ухи и нескольких стаканов доброго вина, – жизнь дачника мне очень даже нравится. Встанешь спозаранку, не торопясь, идешь на море. Со вкусом купаешься, возвращаешься к себе, садишься за этот стол и прямо с дерева срываешь черешню. Представляешь, какая роскошь! Кстати, ты обратил внимание, что здесь за ягоды? От одного их вида приходишь в восторг. Черные, красные, бордовые,

размером с хорошую сливу. А вкус? Как говорил Аркадий Райкин – специфический. В общем, я этой черешни наелся до отвала. Но тебе тоже осталось. Эх, хорошо.

От охватившей его вдруг радости жизни он мощно потянулся, да так, что его сильное тело звучно хрустнуло.

– Почему столько пустующих дач вокруг? – спросил я. Бондарь пожал плечами:

– Черт его знает. Многие из них выставлены на продажу. На других дачах хозяева изредка появляются, но, как правило, во время посевных работ или сбора урожая.

– Но в чем дело? – недоумевал я.

– Сам удивляюсь. Место здесь райское – живи не хочу.

Мишка, поднявшись со скамейки, стал убирать со стола посуду. Он подошел к электрическому насосу, опущенному в скважину недалеко от домика, включил его и, дождавшись, пока потечет вода, принялся старательно мыть тарелки.

3

Ейск – занимательный и уютный городок. Жители, которые именуют себя немного смешно – ейчанами, считают его курортом. Но если это курорт – то, пожалуй, еще не совсем состоявшийся. На весь город только один санаторий. Правда, в последние годы появилось множество баз отдыха на длинной песчаной косе, которая острым ножом глубоко врезалась в морской залив. Те, кто любит недорогой, спокойный отдых, очень теплое море, солнечную погоду и песчаные пляжи охотно приезжают сюда. Особенно с детьми, для которых плескаться в мелких, хорошо прогретых прибрежных водах доставляет массу наслаждений.

Еще одна достопримечательность Ейска – это его улицы. Во-первых, они носят ласковые названия, от которых, как поется в известной песне, «становится теплее»: Вишневая, Абрикосовая, Лазурная, Цветочная, Тенистая... Ейчане считают, что популярный музыкант Юрий Антонов написал свою неприхотливую песенку, находясь под очарованием именно их города. Во вторых, улицы в основном прямые, идущие параллельно и перпендикулярно друг другу. Совсем, как в Нью-Йорке или Петербурге. Так что заблудиться здесь невозможно. Ты обязательно выйдешь или к морю, которое с трех сторон окружает город, или к его центру. Куда мы с Мишкой сейчас и направлялись.

Он оставил машину на какой-то улочке, поскольку городской центр был закрыт для проезда личного транспорта, а дальше мы двинулись пешком. Посередине площади громоздилось сооружение, похожее на средневековую прямоугольную цитадель. Это был местный торговый центр с рынком и множеством магазинчиков, кофеен, пивных, баров и закусочных. Масса публики в это чудное летнее утро оживленно текла вокруг «цитадели», вливаясь в нее через ворота со всех четырех сторон.

Мы очутились в сквере с нарядным фонтанчиком в виде четырех белоснежных граций, которые держали над головами чашу с водой, и сели за свободный столик летнего кафе. Мишка принес две кружки «приазовской баварии» – местного пива и несколько пакетиков вяленого кальмара. Не торопясь, мы принялись за пиво.

Бондарь выглядел взволнованным и постоянно оглядывался по сторонам. Дело в том, что сегодня за завтраком он, растерянно улыбнувшись, заявил:

– Ты знаешь, – такими словами Мишка обычно начинал любой разговор, – я должен сегодня встретиться с Ириной. В общем, с одной моей знакомой. Думаю познакомить тебя с ней. Ты, как опытный семейный человек, выскажешь свое мнение. Только очень прошу: не говори, где я работаю.

Я хотел было, как обычно, слегка подтрунить над Михаилом, но вовремя спохватился, вспомнив щепетильность и обидчивость друга. Дело в том, что в башке Бондаря засел

какой-то странный пунктик, и он считал, что если скажет, где работает, то ни одна стоящая женщина не станет с ним встречаться. Это была чистейшая чепуха, я не раз говорил ему об этом, даже сердился на него, но... Натура у него такая: если что вобьет себе в голову, то хоть колом по ней бей – все без толку.

У Мишки в настоящее время была достаточно редкая и специфическая профессия. Прослужив несколько лет в Вологодской области, он дослужился до начальника исправительной колонии. Причем не в обычной, а в такой, где содержатся «пожизненники». Так называют тех, кого приговорили к заключению на все отведенное им судьбой время.

Зная Мишку как самого добродушного человека в мире,этакого милого, порой неловкого увальня, я никак не мог представить его в роли начальника колонии. Но однажды гостил у него на Вологодчине и с удивлением увидел совсем другую личность. Передо мной был волевой и энергичный офицер с настоящим командирским голосом, которым он отдавал распоряжения подчиненным. Уверенный в себе и даже внешне суровый. Впрочем, имея дело с нынешними преступниками, иным, наверное, быть невозможно. Мне ли не знать, что наглая преступность готова смириться только перед силой и авторитетом власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.